

Ватлин А.Ю., доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия)

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ О СУДЬБЕ ВЕРНУВШИХСЯ В СЕВАСТОПОЛЬ КОРАБЛЕЙ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА В 1918 Г.

В трагедии Черноморского флота России, затопленного под Новороссийском ввиду угрозы захвата Германией, малоизвестной страницей остается возвращение нескольких кораблей в оккупированный немцами Севастополь. Дальнейшая судьба и самих судов, и их команд, в том числе возможное участие в боевых действиях на стороне Центральных держав, решалась в ходе переговоров между Москвой и Берлином вплоть до октября 1918 г., являясь составной частью послебрестского этапа советско-германских отношений. Ключевую роль в переговорах играло полпредство РСФСР в Берлине, начавшее свою работу после подписания Брестского договора. Возглавлявший его А.А.Иоффе прибыл в Германию в конце апреля и сразу же приступил к урегулированию конфликта, связанного с оккупацией Крыма и увода кораблей Черноморского флота из Севастополя. Их судьбе уделялось особое внимание в Добавочном договоре между Россией и Германией, где предусматривалась возможность их использования против флота Антанты в Черном море. Сворачивание боевых действий на суше и подписание Компьенского перемирия поставили точку в судьбе кораблей, вернувшихся в Севастополь. Они были переданы Антантой белым армиям, контролировавшим Юг бывшей Российской империи.

Ключевые слова: Советско-германские отношения 1918 г., Черноморский флот, Г. Чичерин, А. Иоффе, брестская система международных отношений, Севастополь, Советская Россия, Германская империя.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-07-13

Введение. Историографический нарратив о трагической судьбе Черноморского флота России, затопленного 18-19 июня 1918 г. вблизи Новороссийска, начинается с германского ультиматума о возвращении покинувших Крым судов в Севастополь, оккупированный германской армией (возвращение всех военных кораблей в места их постоянной дислокации было оговорено в пятой статье Брестского мирного договора[«Свои военные суда Россия либо переведет в русские порты и оставит там до заключения всеобщего мира, либо немедленно разоружит» 6. С.122]), и заканчивается трагедией их затопления собственными командами[Первое содержательное и достаточно объективное изложение произошедших событий, написанное одним из действующих лиц, появилось уже в первые годы после произошедших событий: 7.]. При всей ожесточенности дискуссий относительно мотивов и последствий столь неординарного шага, историки едины в том, что он позволил избежать сдачи флота потенциальному противнику, которая привела бы к серьезному ослаблению позиций Советской России на южном фронте Гражданской войны[Тезис о неотделимости вооруженного конфликта внутри России от сохранявшейся вовлеченности страны в ход Великой войны подробно обоснован в книге: 8. Применительно к событиям вокруг Черноморского флота см.:8. С. 240-259.].

Даже в серьезных исследованиях лишь вскользь упоминаются несколько боевых кораблей, подчинившихся германскому ультиматуму и

17 июня покинувших новороссийский рейд, чтобы вернуться в Севастополь, занятый немецкими войсками в конце апреля. В состав этой части эскадры, которую возглавил принявший на себя командование Черноморским флотом капитан 1-го ранга А.И. Тихменев, входили новейший дредноут, построенный накануне Первой мировой войны и после начала революции переименованный в «Волю», шесть эсминцев и корабли обеспечения. В основе такого решения лежали скорее идейные, нежели прагматические соображения. Офицерский состав, сохранивший командование на этих кораблях, ни при каких условиях не был готов воевать за «красных», и даже перспектива сдачи «германцу» представлялась им меньшим злом.

Объект и методы исследования. Объектом исследования являются советско-германские отношения в 1918 г. Предметом исследования выступают советско-германские переговоры о судьбе вернувшихся в Севастополь кораблей Черноморского флота. Исследование опирается на принцип историзма и системности.

Результаты и их обсуждение. Для руководства Советской России руководители «возвращенцев» являлись отъявленными белогвардейцами, а команды кораблей считались попавшими под их влияние. Ленин бушевал: «Жаль, что наши сплеховали и не открыли огонь по уходившим в Севастополь! Обязательно их надо было расстрелять и потопить... мерзавцев, изменников, предателей, нельзя было отпускать!» [Цит.по: 11.

С.144] Вряд ли это отражало его подлинные настроения и намерения, которые в тот критический для Советской России момент менялись едва ли не ежедневно. Уже 24 мая, согласившись с позицией военно-морского ведомства, Ленин потребовал «флот уничтожить немедленно»[9. С. 81]. Однако три недели спустя в ходе переговоров с советским дипломатическим представителем в Берлине А.А. Иоффе по прямому проводу он обещал сделать все возможное, чтобы добиться возвращения эскадры в Севастополь[6. С. 360].

Утром 19 июня на рейде города вернувшиеся корабли не встречали салютом, на них были направлены орудия береговых батарей. Командующего военно-морскими силами Германии на Черном море вице-адмирала А. Хопмана, ставка которого находилась в городе, волновало не столько приращение собственных сил, сколько угрозы, исходившие от непредсказуемых русских - совсем недавно под Таганрогом была предпринята попытка масштабного контрнаступления с моря, вошедшая в историю как «Красный десант»[10.].

Правовой статус вернувшихся в Севастополь кораблей был крайне неопределенным. Фактически приняв германский ультиматум, Москва не спешила списывать со счетов, а тем более отдавать в руки вчерашнего врага ни сами корабли, вернувшиеся в Крым, ни их экипажи. Только на «Воле» находилось 436 матросов и офицеров, команды эсминцев составляли более 300 чел. Нарком иностранных дел В.Г. Чичерин 10 июля сообщал руководителю советской делегации на переговорах в Киеве Х.Г. Раковскому, что Москва «признает обязательство платить русскому личному составу, остающемуся на вернувшихся из Новороссийска в Севастополь судах для их карауливания, жалование в законном размере», а для связи с судовыми командами считает нужным направить в Севастополь специальных уполномоченных[Телеграмма Чичерина от 10 июля 1918 г.: 1. Ф. 82. Оп. 1. П. 5. Д. 28. Л. 58.].

Флотское командование Германии в лице Адмиралштаба предпочитало не делать резких шагов в отношении вернувшихся кораблей, удовлетворившись на первых порах их разоружением и текущим ремонтом без объявления военной добычей, команды стали получать натуральное довольствие. В ходе визита в Новороссийск германского крейсера «Гёбен» (28 июня – 1 июля 1918 г.) на его борту прошли переговоры с посланцами Екатериндарского совета, в результате которых был согласован некий *modus vivendi*, позволивший в дальнейшем избежать конфронтации военно-морских сил России и Германии [О ходе переговоров см.: 8. С.257-258; 13. С. 534, 536-537].

Иначе видели ситуацию в Ставке имперского Верховного командования (ОХЛ), где

рассматривали геополитическое пространство бывшей Российской империи как легкую добычу и не обращали особого внимания на потуги большевиков утвердить на нем собственное влияние [серия архивных документов германского МИД: 13. RZ 201/10103-10104, 10483.]. Первый генерал-квартирмейстер Э. Людендорф, являвшийся фактическим главой Генерального штаба, настаивал на том, что вернувшиеся в Севастополь суда являются военными трофеями, которые следует как можно скорее использовать для возобновления наступления и расширения зоны германской оккупации на весь Северный Кавказ.

Свое видение судьбы кораблей Черноморского флота, вернувшихся в Севастополь, было и у дипломатов обеих стран, причем здесь на первых порах доминировал консенсус. Разночтения и разногласия стали появляться в процессе подготовки Добавочного договора, которому предстояло уточнить и дополнить ключевые положения Брестского мира. Важной новацией было появление в договоре, подписанном 27 августа 1918 г., секретных положений, оформленных как «тайные ноты»[5. С. 208-230]. В одной из них шла речь и о дальнейшей судьбе находившихся в Севастополе кораблей. Там говорилось о том, что «Германия сохраняет за собой право использования для мирных целей, особенно для траления мин, а также для службы в портах и для полицейских функций военные суда Черноморского флота, включая вернувшиеся из Новороссийска в Севастополь; в случае военной необходимости может последовать их использование и для иных военных целей»[4. С.223]. Такое требование содержалось уже в первом проекте будущего договора, о чем Иоффе незамедлительно доложил в Москву: «В тайном обмене нотами имеется просьба разрешения в случае военной необходимости (имеется в виду война с Турцией или форсирование Дарданелл) воспользоваться новороссийскими судами для военных целей. Конечно, с возмещением порчи или потери судов»[1. Ф. 04. Оп. 13. П. 72. Д. 1016. Л. 43. Под «новороссийскими» имелись в виду суда, вернувшиеся оттуда в Севастополь].

Наличие секретных приложений к Добавочному договору, подразумевавших военно-политическое сотрудничество двух стран, делало их потенциальными союзниками на геополитическом пространстве бывшей Российской империи. Такая возможность, однако, так и не была реализована на практике - слишком различными были идеологические устои и стратегические цели каждой из сторон. Однако вектор был задан, и дипломаты с Вильгельмштрассе незамедлительно приступили к налаживанию более прочных связей между военными инстанциями обеих стран в Северном и Восточном Причерноморье. Так, уже

31 августа 1918 г. они поставили вопрос об отправке туда официального представителя советского правительства.

Пересылая соответствующую ноту в НКВД («конспиративно, чтобы кроме Вас и кому следует, никто не знал»), Иоффе снабдил ее ремаркой: «Очень прошу отнестись к этому весьма серьезно и сообщить мне Ваше мнение» [Телеграмма Иоффе от 4 сентября 1918 г.: 1. Ф. 82. Оп. 1. П. 11. Д. 46. Л. 23]. В последующей переписке с Москвой он называл конкретные кандидатуры («Разве нельзя послать Сталина? Подумайте об этом» [Политический доклад Иоффе от 18-19 сентября 1918 г.: 2. С. 437]), расширял географию («уполномоченный в Севастополь должен быть не только для этих мест, но и для всего Кавказа. Может быть ему придется находиться в Тифлисе» [Шифрованная телеграмма Иоффе от 13 сентября 1918 г.: 1. Ф. 165. Оп. 1. П. 3. Д. 23. Л. 28.]), просил утвержденного ЦК РКП(б) эмиссара проехать через Берлин, чтобы получить нужные инструкции от него лично.

Находясь в изоляции от центра принятия решений в Кремле, Иоффе, только что добившийся подписания в Берлине Добавочного договора, все больше увлекался созданием комбинаций, которые не имели под собой реальной почвы. Именно он был «лоббистом» временного военнополитического союза с Германией, который не соответствовал реальному соотношению сил на исходе Первой мировой войны. Ленин и Чичерин видели общую ситуацию гораздо яснее, однако до поры до времени поощряли дипломатические игры советского полпреда, которые как нельзя лучше убеждали немецкую сторону, что большевики и дальше будут принимать ее ультиматумы, закамуфлированные под мирные инициативы и деловые предложения.

Первоначальная реакция наркома иностранных дел на предложение Иоффе отправить в Севастополь одного из партийных лидеров была негативной, отвечая линии большевистского руководства на равноудаленное балансирование между двумя коалициями Первой мировой войны. Позиция Чичерина могла радикально измениться только после обстоятельного разговора с Лениным. В телеграмме, отправленной в ночь на 13 сентября, нарком запрашивал Иоффе: «делегирование нашего представителя в Севастополь очень желательно, можете ли устроить его через Вас в Берлине или надо возбудить вопрос в Киеве?» [Телеграмма Чичерина от 12 сентября 1918 г.: 1. Ф. 82. Оп. 1. П. 7. Д. 33. Л. 26. В тот момент в Киеве вела переговоры советская делегация во главе с Х.Г. Раковским.].

Чтобы не разрушать с ходу дипломатическую игру полпреда, Чичерин предпочел не

спешить: «Командировка в Севастополь связана с большими трудностями после сделанных в Вашей шифровке разъяснений» [Телеграмма Чичерина от 14 сентября 1918 г.: 1. Л. 57.]. Иоффе не остался в долгу: «Посылку подходящего лица в Севастополь и Тифлис возможно скорее считаю очень важной. То, что Вы всегда так долго собираетесь, весьма вредно» [Телеграмма Иоффе от 15 сентября 1918 г.: 1. Ф. 082. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 78.]. Однако это не было простой медлительностью еще не сработавшегося бюрократического аппарата новой власти. В Москве шла острая борьба вокруг той или иной позиции РСФСР на исходе Первой мировой войны, и ее следы лишь отчасти отразились в переписке наркома и полпреда, отношения которых не выходили за рамки перманентного конфликта [3. С. 108-125].

Камнем преткновения являлось то, что в ответ на гипотетическую помощь на Юге России немецкая сторона «попросила» выдать ей для боевого использования севастопольские корабли. 18 сентября Иоффе телеграфировал в Москву: «Когда в /тайную - А.В./ ноту вписывалось право, вопреки Новороссийскому соглашению, пользоваться нашими военными судами для военных целей, мне намекали на две возможности: форсирование Дарданелл и война против Турции. Теперь /немцы - А.В./ говорят, что наступил момент, когда желают воспользоваться этой нашей любезностью. Конечно, возможна хитрость (хотя, по-моему, исключена возможность, чтобы они использовали суда против нас). Я полагаю, что они опасаются англичан, поэтому хотят привести суда в боевую готовность, для этого, прежде всего, им надо избавиться от наших моряков, ибо они не уверены, что последние не потопят судов, если узнают, что немцы хотят посадить туда своих моряков. Для этого им нужна наша помощь» [2. С. 433. Прим. 1.].

Возможность перехода судов под оперативное управление военно-морского командования Германии означала прямой отказ от уже достигнутых в начале июля новороссийских договоренностей и была серьезной уступкой советской стороны, зафиксированной в Добавочном договоре. И угроза затопления российскими командами судов, вернувшихся в Севастополь, являлась отнюдь не пустым звуком. В этой связи германская сторона стала настойчиво просить полпреда снабдить отправляемого в черноморский регион уполномоченного особым мандатом Москвы, который санкционировал бы безболезненную передачу кораблей немецким командам.

Подобные просьбы, регулярно телеграфируемые из Берлина, вызывали в Москве растущее раздражение - в Кремле считали подобную уступку чрезмерной и даже унижительной, хотя и не решались сказать об этом Иоффе открытым

текстом. Ленин понимал, что принятие курса на постепенное удаление от партнера по Добавочному договору будет равнозначно дискредитации советского полпреда и заставит того в очередной раз поднять вопрос о своей отставке. Поэтому «хвост отрезали по кусочкам», стараясь по возможности беречь самолюбие Иоффе. Вначале было решено разделить две функции эmissара, не отказываясь от немецкого предложения в принципе: «представителя в Севастополь мы скоро пошлем, но по отношению к имеющимся там бывшим морякам он не будет в состоянии что-либо сделать» [Телеграмма Чичерина от 15 сентября 1918 г.: 1. Ф. 82. Оп. 1. П. 7. Д. 33. Л. 90.]. Вопрос о его отправке через Берлин в Севастополь стоял на повестке дня заседаний в ЦК РКП(б) 16 и 17 сентября, на них обсуждались кандидатуры вначале В.А. Антонова-Овсенко, а затем и М.С. Кедрова [См. телеграммы Чичерина № 316 и № 319, датированные этими днями: 1. Там же. Л. 112, 117]. Лишь после этого Чичерин сухо сообщил Иоффе, что вопрос с отправкой уполномоченного для передачи кораблей немецким командам закрыт [На сообщении Иоффе от 18 сентября Чичерин лапидарно пометил: «он, очевидно, не читал мою шифровку, где я выяснял невозможность этого»: 2. С. 433, прим. 1., а еще через день информировал полпреда, что вопрос решен в ЦК РКП(б) в присутствии прибывшего с Кавказа Сталина: 1. Ф. 82. Оп. 1. П. 7. Д. 33. Л. 140].

Полпред был вне себя и не собирался сдаваться. «Если решительно отказываетесь, то хотя бы скажите ясно, что ответить, почему Кедров, о котором сообщали, что он выезжает, теперь не едет» [Телеграмма Иоффе № 67 от 21 сентября 1918 г.: 1. Там же. Л. 80.]. Чичерин сохранял хладнокровие, уклоняясь от нового конфликта: «О Кедрове скажите, что он не поехал, потому что Вы имеете полномочия» [Телеграмма Чичерина № 410 от 21 сентября 1918 г.: 1. Ф. 165. Оп. 1. П. 3. Д. 23. Л. 45.]. Настойчивость Иоффе вполне объяснима – даже не владея всей полнотой информации о настроениях в ЦК РКП(б), он отдавал себе отчет в том, что речь идет отнюдь не о частном эпизоде, а о выстраивании жесткой иерархии принятия внешнеполитических решений (хотя сам эпизод наглядно характеризовал отношение большевистского руководства к полпреду как бывшему меньшевику, да еще и выдвигенцу Троцкого).

Но главное заключалось в другом. Ввиду приближавшегося поражения Германии теряли свое значение тайные статьи Добавочного договора, который Иоффе считал своим детищем. А ведь всего месяц назад он во время блиц-визита в Москву лично получил от Ленина «добро» на его подписание [2. С. 68–69]. 22–23 сентября 1918 г. в серии телеграмм Чичерин попытался поставить

очередную точку в дискуссии с Иоффе – решение было принято Бюро ЦК и дальнейшему обсуждению не подлежит. «Невозможно требовать у правительства в пять минут пересмотра важного решения, могу поставить вопрос лишь завтра. В шифровке Вам было объяснено, почему то, чего от нас ждут в Севастополе, не может быть сделано» [Телеграмма Чичерина № 444 от 22 сентября 1918 г.: 1. Ф. 82. Оп. 1. П. 7. Д. 34. Л. 23.].

Отстаивая такую позицию, РСФСР не шла на прямое нарушение августовского договора, но предоставляла германской стороне самой взять то, на что она под угрозой военной силы выторговала себе право. Кроме того, участие советского представителя в передаче судов могло быть истолковано как согласие на их боевое использование, чего в Москве всячески старались избежать. Полпред оказался между двух огней: высшие чиновники берлинского МИД указывали на необходимость уступки Москвы в данном вопросе, «чтобы у военных не создавалось конфликтного настроения». Акт передачи был назначен Адмиралштабом на 28 сентября – это был возможно короткий срок, поскольку германские военные власти после начала августовского наступления Антанты на Западном фронте находились в жесточайшем цейтноте.

Иоффе ежедневно выдвигал все новые и новые варианты решения назревавшего конфликта, предлагая среди прочего отправить в Севастополь кого-то из сотрудников своего полпредства. Немцы «просят меня либо послать своего уполномоченного, который вместе с германским офицером должен выехать завтра в 4 часа, либо же дать их офицеру официальную бумагу за своей подписью приблизительно такого содержания: полномочный представитель удостоверяет, что на основании соглашения между Россией и Германией все суда российского флота являются собственностью Российской Республики, поскольку часть их не отходит к Украине на основании русско-украинского соглашения, но могут быть использованы германским правительством до всеобщего мира, причем все убытки и риски возлагаются на Германию, поэтому такой-то имеет право принять означенные суда. Ответьте немедленно, уполномочиваете ли меня выдать такой документ». При этом Иоффе привел еще один аргумент, представлявшийся ему неотразимым: «Если немцы так усиленно об этом просят нас, а не Украину, то, очевидно, они лучше осведомлены о настроении тамошних команд» [Телеграмма Иоффе № 80 от 23 сентября 1918 г.: 2. С. 455.].

24 сентября 1918 г. осада полпреда чиновниками МИД достигла апогея, дойдя до прямых угроз: согласно пересказу Иоффе, отказ «ненужно обострит наши отношения, и наши гражданские

друзья не смогут по-прежнему отстаивать нас перед нашими милитарными противниками», т.е. перед военной верхушкой Германии. Иоффе в свою очередь искал все новые аргументы, адресованные Москве: содержание тайной ноты, отдающей корабли под управление Германии, никому не известно, а значит, «команды... добровольно судов могут не отдать»[Телеграмма Иоффе № 83 от 24 сентября 1918 г.: 2. С. 457.].

Телеграмма Иоффе, больше походившая на мольбу о помощи, оказала нужное воздействие на большевистское руководство. Чичерин выразился максимально осторожно и минимально дипломатично, не упустив случая в очередной раз поставить Иоффе на место: «Мы можем согласиться на то, чтобы Вы дали бумажку, но эта бумажка должна являться только констатацией факта их права на приемку судов без какого-либо обращения к командам»[Телеграмма Чичерина № 485 от 24 сентября 1918 г.: 1.Ф. 82. Оп. 1. П. 7. Д. 34. Л. 40]. На следующий день полпред вручил соответствующий документ за собственной подписью сотрудникам германского МИД. Иоффе сообщил Чичерину, что таким образом ему удалось погасить назревавший конфликт: «Хотя офицер вчера уехал в Севастополь до получения Вашего ответа, сегодня меня просили дать известную Вам бумагу и отправили ее с экстренным курьером. Бумага написана мною, как и предполагалось сначала, только констатирующая факт права Германии посадить свои команды на эти суда, т.е. принять их во временное пользование»[1. Ф. 82. Оп. 1. П. 11. Д. 48. Л. 47]. Содержание документа немедленно телеграфировали в Севастополь, а его текст был размножен в 100 экземплярах для возможной раздачи российским экипажам.

Поездка курьера заняла двое суток – до Одессы он добирался поездом, а затем пересел на пароход, идущий в Севастополь. Задолго до этого Хопману пришел приказ Адмиралштаба так подготовиться к передаче судов немецким командам, «чтобы избежать актов саботажа»[14. С. 583,585]. Только для размещения на дредноуте «Воля» из Германии было отправлено 350 моряков. Вице-адмирал на первых порах высказывался за обнаружение тайной ноты в момент смены экипажа, явно не отдавая себе отчета в том, что большевики ни в коем случае не согласятся с признанием факта тайной дипломатии. Отсюда и родился компромиссный вариант с «уполномоченным», которому следовало устно объяснить российским морякам, почему им нужно уступить свои корабли немецкой команде[12. С. 173-174].

Как только в Севастополь пришла телеграмма о том, что уполномоченного из Советской России не будет, и всё ограничится присылкой мандата, подписанного Иоффе, там началась

подготовка детального сценария смены команд, чтобы обставить данное мероприятие с максимальной торжественностью[14. С. 604-605, 608]. 30 сентября в 9 часов утра Тихменев приветствовал на борту «Воли» немецкую делегацию, которая объявила офицерам с вернувшихся кораблей об их переходе в оперативное подчинение Адмиралштабу.

Днем все российские команды были выстроены на Царской пристани, где к ним на русском языке обратился сам Хопман, зачитавший среди прочего документ, подписанный Иоффе. На следующий день вице-адмирал лично посетил все три корабля и убедился, что процесс смены команд совершился без особых эксцессов, а затем вновь обратился к сошедшим на берег экипажам, пообещав им двухмесячное жалованье. В своем дневнике он отметил, что люди были крайне растеряны, многие уже успели переодеться в гражданское[14. С. 609-611]. На борт своих кораблей они уже больше не поднялись.

Боевым судам - «Воле», «Евстафию» и «Иоанну Златоусту», на которых разместили немецкие команды, так и не удалось покинуть бухту Севастополя. Германская империя стремительно катилась к своему поражению, в начале ноября английский флот миновал Дарданеллы и вошел в Черное море. Понимая, что мировая война проиграна, немецкие дипломаты попытались вернуть ставшие ненужными корабли Черноморского флота для того, чтобы получить от Советской России очередной транш контрибуции, оговоренной в Бресте. 24 октября 1918 г. Иоффе сообщал в Москву: немцы «мне намекнули, что, быть может, не будут в состоянии удержать Черное море и готовы будут поэтому передать нам наш флот еще до всеобщего мира, конечно, опять-таки в ответ на наши уступки»[2. С. 527]. Но это уже были предсмертные судороги Германской империи.

Заключение (выводы). Вернувшиеся из Новороссийска корабли были переданы антантовским офицерам из комиссии по перемирию. Позже они еще успели повоевать в составе белой армии и вместе с частями Врангеля покинули Крым, войдя в состав ушедшей в Турцию Русской эскадры. Флагманский дредноут «Воля», спущенный со стапелей как «Император Александр Третий», закончил свой боевой путь под именем «Генерал Алексеев». С его последним переходом в тунисский порт Бизерта зимой 1920-1921 гг. сюжет с «новороссийскими возвращениями» можно считать закрытым.

События, связанные с «бумажкой», подписанной Иоффе и отправленной в Севастополь, нашли неожиданное продолжение. Один из сотрудников английской военной миссии, спешно эвакуировавшейся из Крыма вместе с армией

Врангеля, украл и сохранил ее, а в 1925 г. передал в архив Октябрьской революции[4. С. 112-115]. Иоффе вряд ли узнал об этом - его дипломатическая карьера продолжалась на Дальнем Востоке, где он заболел неизлечимой болезнью. Не в силах

справиться с нею и видя в утверждении сталинского единовластия крах своих политических убеждений, в ноябре 1927 г. он покончил жизнь самоубийством.

Список литературы

1. Архив внешней политики МИД Российской Федерации.
2. Берлинская миссия полпреда Иоффе 1918 г. Сборник документов. М.: Политическая энциклопедия, 2023. 623 с.
3. Ватлин А.Ю. Большевистские интеллектуалы на внешнеполитическом фронте: отношения наркома Г.В. Чичерина и полпреда А.А. Иоффе в 1918 году // Новая и новейшая история. 2022. № 6. С. 108-125.
4. Ватлин А.Ю. Морской узел полпреда Иоффе // Родина. 2024. № 10. С. 112-115
5. Ватлин А.Ю., Ланник Л.В. Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208-230.
6. Документы внешней политики СССР. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. 771 с.
7. Кукель В. А. Правда о гибели Черноморского флота 18 июня 1918 г. П.: Редакционный отдел Морского ведомства, 1923. 33с.
8. Ланник Л.В. Непосильная гегемония. Германская империя на фронтах Гражданской войны в России в 1918 г. СПб.: Евразия, 2023. 816 с.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1982. Т. 50. 646 с.
10. Миргородский А.В. Красный десант 1918 года. СПб.: Морское наследие, 2022. 264 с.
11. Пученков А.С. Украина и Крым в 1918-начале 1919 г. Очерки политической истории. СПб.: Нестор-история, 2013. 353 с.
12. Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München.: R. Oldenbourg Verlag, 1966. S. 462
13. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes.
14. Tagebuch und Aufzeichnungen Albert Hopmans // Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution: aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918. Hrsg. von W. Baumgart. Göttingen.: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971. S. 750.

SOVIET-GERMAN NEGOTIATIONS ABOUT THE FATE OF THE BLACK SEA FLEET SHIPS THAT RETURNED TO SEVASTOPOL IN 1918

In the tragedy of the Russian Black Sea Fleet drowned near Novorossiysk due to the threat of capture by Germany, the return of several ships to German-occupied Sevastopol remains the little-known page of history. The further fate of the ships themselves, with their crews including their possible participation in the military operations on the side of Central Powers was being resolved during the negotiations between Moscow and Berlin right up to October 1918 as it was one of the components of the Soviet - German relations after Brest-Litovsk Peace Treaty. The Soviet Russia Plenipotentiary mission in Berlin, which began its work after the signing of the Brest Treaty, played a key role in the negotiations. A.A. Ioffe, who headed it, arrived in Germany at the end of April and immediately began to resolve the conflict related to the occupation of Crimea and the withdrawal of ships of the Black Sea Fleet from Sevastopol. Their fate was given special attention in the Extension Treaty between Russia and Germany, which provided for the possibility of their use against the Triple Entente fleet in the Black Sea. The curtailment of military operations on land and the signing of the Armistice of 11 November 1918 put an end to the fate of the ships that returned to Sevastopol. They were transferred by the Triple Entente to the white armies that controlled the South of the former Russian Empire.

Keywords: Soviet-German relations in 1918, Black Sea Fleet, G. Chicherin, A. Ioffe, Brest system of relations, Sevastopol, Soviet Russia, German Empire

References

1. Arhiv vneshnej politiki MID Rossijskoj Federacii.[Archive of Foreign Policy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]
2. Berlinskaya missiya polpreda Ioffe 1918 g. Sbornik dokumentov. (2023) [Berlin mission of Plenipotentiary Representative Ioffe 1918 Collection of documents] M.: Politicheskaya enciklopediya. 623 s.
3. Dokumenty vneshnej politiki SSSR. (1957) [Documents of the USSR foreign policy] T.1. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. 771 s.
4. Kukel' V. A. (1923) Pravda o gibeli Chernomorskogo flota 18 iyunya 1918 g. [The Truth About the

Death of the Black Sea Fleet on June 18, 1918] P.: Redakcionny`j otdel Morskogo vedomstva. 33 s.

5. Lannik L.V.(2023) Neposil'naya gegemoniya. Germanskaya imperiya na frontah Grazhdanskoj vojny v Rossii v 1918 g. [An Unsustainable Hegemony. The German Empire on the Fronts of the Russian Civil War in 1918] SPb.: Evraziya, 2023. 816 s.

6. Lenin V.I. (1982) P olnoe sobranie sochinenij. [Complete Works] M.: Politizdat. T.50. 646 s.

7. Mirgorodskij A.V.(2022) Krasnyj desant 1918 goda. [Red landing of 1918] SPb.: Morskoe nasledie. 264 s

8. Puchenkov A.S. (2013) Ukraina i Krym v 1918-nachale 1919 g. Ocherki politicheskoy istorii. SPb.: Nestor-istoriya. 353 s.

9. Vatlin A.Yu. (2022) Bol'shevistskie intellektualy na vneshnepoliticheskom fronte: otnosheniya narkoma G.V. Chicherina i polpreda A.A. Ioffe v 1918 godu [Bolshevik intellectuals on the foreign policy front: the relationship between People's Commissar G.V. Chicherin and Plenipotentiary Representative A.A. Ioffe in 1918] // Novaya i novejshaya istoriya. 2022. № 6.

10. Vatlin A.Yu. (2024) Morskoj uzal polpreda Ioffe [Marine knot of Plenipotentiary Representative Ioffe] // Rodina. 2024. № 10.

11. Vatlin A.Yu., Lannik L.V. (2021) Tajnye noty k Dobavochnomu dogovoru 27 avgusta 1918 g.: neizvestnyj syuzhet iz istorii sovetsko-germanskih otnoshenij na iskhode Pervoj mirovoj vojny [Secret Notes to the Supplementary Treaty of August 27, 1918: An Unknown Plot from the History of Soviet-German Relations at the End of World War I] // Novaya i novejshaya istoriya. 2021. № 5.

12. Baumgart W. (1966) Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litovsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges [German Eastern Policy 1918: from Brest-Litovsk to the End of the First World War]. Wien; München.: Oldenbourg, 1966. 462 s.

13. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. [Political Archive of the Federal Foreign Office]

14. Tagebuch und Aufzeichnungen Albert Hopmans (1971) // Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution: aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918. Hrsg. von W. Baumgart. [Diary and notes of Albert Hopman // From Brest-Litovsk to the German November Revolution: from the diaries, letters and notes of Alfons Paquet, Wilhelm Groener and Albert Hopman, March to November 1918. Edited by W. Baumgart.] Göttingen.: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971. 750 s.

Об авторе

Ватлин Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, E-mail: vatlin_alex@mail.ru

Vatlin Alexander Yurevich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Russia), E-mail: vatlin_alex@mail.ru